

Блеск и нищета Катанги

"ГАЗ-66" тягуче наматывал весеннее пространство на колеса. Впереди стлался путь в три с половиной тысячи километров. До Ербогачена - центра самого северного района Иркутской области - предстояло пройти полторы тысячи, из них половину по зимнику. В начале дороги мы еще не знали, что расстояние по зимнему пути измеряется в сутках, а не в привычных километрах.

Дорога без гаишников

Трасса. Из небольшого окна будки вездехода дорога кажется бесконечной. Ухабы и кочки сливаются в одну заснеженную и обледенелую колею. Выскочив из нее, рискуешь зависнуть среди тайги на несколько часов. И по всей этой беспредельности -- множество ползущих тягачей, надсадно перемалывающих рытвины, косогоры и повороты. Некоторые из них утомились настолько, что лежат, лениво завалившись на бок, словно доисторические звери. Стоит только водителю зевнуть, как трасса, будто норовистый скакун, сбрасывает с себя многотонную фуру. Поднять ее в одиночку нет никакой возможности. Нужно ждать, когда соберется побольше грузовиков, и попытаться уговорами, а где и откровенными матами поднять машину на колеса.

Но есть в жизни дальнбойщика, который дышит спрессованным опасностью воздухом зимника, и светлые точки. Это так называемые пикеты - перевалочные базы. Находятся они друг от друга на расстоянии 6-10 часов ходу. Несколько неказистых домиков среди тайги - это столовая с мини-магазином, заправка с двухсотлитровыми бочками и дощатый туалет. В магазине продают предметы первой необходимости - сигареты, пиво и водку. Суровые дальнбойщики покупают горячую закуску, бутылку-другую водки и отдыхают. Гаишниками на зимнике даже не пахнет, потому, если в состоянии держаться за руль своего тягача, то вполне можешь продолжать путь - права за езду в нетрезвом состоянии никто не отнимет. К тому же "КамАЗы", "Вольво" и "Мань", бороздящие зимнюю тайгу, оборудованы спальными местами. Нет сил ехать - заваливайся и спи, пока не протрезвешь.

От Верхнемарково, самого северного населенного пункта Усть-Кутского района, до Непы, самого южного села катангской земли, полтора суток на "ГАЗ-66". В Непе наш автомобиль заправляется. Оба бака и канистра - запас хода еще на 350 километров. Процедура заправки -- как в стародавние времена. Из лежащей на боку цистерны бензин нацеживается в ведро, из ведра выливается в двадцатилитровую канистру (для ровного счета) и затем уже в бак.

Территория Катангского района - три с половиной Швейцарии. От Непы до Преображенки восемь-десять часов пути. В темноте заканчивается Мирнинский зимник и начинается заснеженная однопутка на Ербогачен. Чтобы разъехаться со встречной машиной, наш вездеход торит белую целину. Преображенка расположилась на левом берегу Нижней Тунгуски, несколько в стороне от трассы. С ходу промахиваемся и какое-то время движемся на Ербогачен. В 12 часов дня 26 марта, спустя почти четверо суток, "ГАЗ-66" въезжает в Преображенку.

Помните одного из главных героев романа-эпопеи "Угрюм-река" Вячеслава Шишкова Ибрагима-оглы? Его прототип жил именно в этой деревне, реального Ибрагима звали точно так же - Ибрагим. Улыбка судьбы: у одного из малолетних преображенцев отчество - Ибрагимович. Прижилось имя сосланного кавказца на катангской земле.

Преобразится ли Преображенка?

Главное событие нынешней субботы в Преображенке - слушания. В 30 километрах от села находится разведанное нефтегазовое месторождение. Мощность Верхнечонского месторождения -- 201,6 миллиона тонн. Для его разработки создано ОАО "Верхнечонскнефтегаз". В 14 часов в спортзале Преображенской средней школы собрались местные жители на встречу с нефтяниками. Один из вариантов развития поселка связан именно с освоением Верхнечонского месторождения, потому вопросов к представителям ОАО у преображенцев было множество. Касались они прежде всего того, что даст освоение миллионных запасов

местному населению. Например, можно ли будет брать какой-то объем нефти из трубопровода, который планируется провести рядом с Преображенкой, для отопления школы?

В последние несколько лет весенние наводнения стали настоящим бедствием для преображенцев. Тунгуска, поднимаясь почти на десять метров, полностью подтопляет село. По улицам плавают на лодках. У кого есть возможность, покидают свои жилища, остальные переживают природный катаклизм на чердаках.

Вместе с мэром района Александром Гришиным, вместе с преображенцами представители "Верхнечонскнефтегаза" искали пути дальнейшего сотрудничества и развития села.

Действительно, ситуация складывается непростая. Традиционный промысел населения района - охота, рыбалка. Но сегодня правая часть района, который делится Нижней Тунгуской почти пополам, отдана под промышленное освоение. Это значит, что охотугодий и прочей традиционной деятельности в этом районе не будет. Нефтяные вышки и трубопровод плохо сочетаются с нормальными условиями для жизнедеятельности обитателей тайги. Теперь нужно думать, как вовлечь аборигенов в нефтегазовую добычу.

Уже сегодня ОАО "Верхнечонскнефтегаз" закупает у преображенцев картофель и мясо. Этого, конечно, мало. Но и само месторождение еще не осваивается в полной мере. Качать углеводородное сырье с глубины 1700 метров пока что готова одна промышленная вышка.

Но работы продолжают. ОАО "Верхнечонскнефтегаз" проводит такую политику: для работ, связанных с освоением месторождения, акционеры подрячают соответствующие организации. Для подрядчиков выдвигается неременное условие - привлекать на работу местное население. Первый опыт по вине подрядчиков оказался не совсем положительным - некоторым преображенцам не заплатили за работу.

-- С такими подрядчиками, -- заявил на слушаниях Николай Лаптев, главный инженер "Верхнечонскнефтегаза", -- которые не рассчитываются со своими рабочими, мы будем расставаться, они просто не получают больше у нас заказов!

В будущем на буровой будет востребовано около пятидесяти профессий. В планах акционеров - организовать обучение этим специальностям катангцев. Что же, весьма здравый подход, людям нужно, образно говоря, дать сеть, которой они смогут поймать рыбу. Потому как практика показывает, что если человеку даешь рыбу вместо сети, то это развивает в нем потребительские наклонности. А работа на месторождении, по самым скромным меркам, рассчитана на 25 лет. 25 лет стабильности, 25 лет гарантированной работы - это благополучная жизнь целого поколения.

-- Район просто вымрет без развития добычи полезных ископаемых, это понятно, -- выразила общее мнение преображенцев одна из присутствующих на собрании, -- но у нас уже был печальный опыт. Преображенская нефтегазовая экспедиция, которая разорилась и теперь ее скважины находятся в аварийном состоянии. Как ОАО "Верхнечонскнефтегаз" будет вести себя с экологической точки зрения?

-- Во-первых, у нас существует служба безопасности, -- ответил на часть вопроса Игорь Кочнев, координатор по безопасности ОАО, -- мы строго следим за тем, чтобы наши рабочие не браконьерничали.

-- Кроме того, у нас разработана технология быстрого тушения лесных пожаров, -- продолжает Николай Лаптев, -- когда в трубопровод вместо нефти закачивается вода, которая в течение очень короткого времени доставляется к месту возгорания. А после окончания работ все буровые будут демонтированы в соответствии с экологическими требованиями. Никто их бросать на произвол судьбы не собирается.

В целом встреча прошла конструктивно, в реалиях нового времени. Нельзя сказать, что недоверие и подозрительность аборигенов рассеялись напрочь, но открытое обсуждение проблем и вопросов все же дало некоторую надежду, что нефтедобыча оживит район. Впрочем, уже сегодня ОАО "Верхнечонскнефтегаз", основным акционером которого является транснациональная нефтегазовая компания ТНК-ВР, выделило Катангскому району четыре миллиона рублей.

-- Львиная доля этих средств направлена на содержание социальной сферы, -- рассказывает Александр Гришин, мэр района, -- 800 тысяч мы потратили на новый мощный дизель для Ербогачена. Сегодня необходимо смотреть в будущее. Машины, которые питают районный центр электричеством, стоят, наверно, с 1973 года, пережили пожар, были восстановлены, поэтому мы на спонсорские деньги приобрели резервный дизель и в два этапа везли его зимником. Теперь два лета будем устанавливать. Все остальные деньги ушли в бюджетные организации, на приобретение медицинского оборудования, в детские сады и школы. В ближайшее время мы приобретаем автомобиль "скорой помощи". Все суммы идут целевым безналичным

перечислением...

Но более всего поразила преображенная вода. Поначалу мы решили, что живительная влага добывается из малопригодной скважины, настолько она соленая и жесткая. Потом у местных жителей выяснили, что воду они берут из Нижней Тунгуски. Просто выше по течению реки находится месторождение калийных солей. Вода из реки через разлом вымывает соль, отчего приобретает специфический вкус и цвет. Впрочем, суп, который мы сварили из концентратов на местной воде, после четырехдневного питания сухпайком оказался восхитительным.

62-я параллель

Вы когда-нибудь ели экологически чистое дикое мясо? А сырую печень? Вечером преображенный предприниматель Василий пригласил всю нашу компанию на ужин. Трудно найти более питательный и полезный продукт, чем сырая мороженая печень лосося. Да еще приправленная клюквой. После такой трапезы чувствуешь себя полным сил, будто сама дикая северная природа отдает тебе энергию безбрежной тайги. Огромный кусок свежей сохатины, которую Василий вручил нам в подарок, был самым обыкновенным способом сварен в подсоленной воде и съеден на завтрак. Способ приготовления обыкновенный, а вот вкус!.. Только сейчас я понял, что такое экологически чистая и здоровая пища. До сего момента это были просто заезженные слова, не имевшие никакой смысловой нагрузки.

До 62-й параллели, на которой расположен Ербогачен, оставалось около двухсот километров, или, в привычных для этих просторов единицах измерения расстояния, световой день. В половине восьмого вечера дорога вывела нас к поселковой свалке, а еще минут через пять-десять среди деревьев показались деревянные дома. Глубина неба постепенно приобретала свойства бездны. Мириады звезд непривычно для городского жителя эту бездну заполняли. Казалось, что в тишине слышен голос вечности.

Нина Весалова - преподаватель русского языка и литературы в Ербогаченской школе. Ей тридцать с небольшим лет. В свое время Нина Глебовна закончила в Ленинграде университет народов Севера. Молодая эвенка пытается возродить во многом утраченные культурные корни и традиции своего народа. Она организовала в Ербогачене национальный культурный центр. Кто они, эвенки прошлого и эвенки настоящего, что им грядущее готовит? Об этом мы беседуем с учительницей.

-- По одной из версий, корни эвенков уходят в Китай. Ученые по сей день спорят об их происхождении. Эвенки упоминаются еще в древних китайских летописях. В современное время на территории Китая проживает более 30 тысяч представителей нашего народа. Они разговаривают на таком же языке, что и мы. Вообще, эвенки распространены по всей территории России. Такая их рассеянность объясняется тем, что в древние времена мой народ очень часто подвергался нашествию воинственных кочевых племен. Под их давлением наши предки вынуждены были искать новые земли для жизни. Так, с юга Иркутской области эвенки были вытеснены более воинственными бурятами несколько столетий назад.

Эвенки -- народ миролюбивый. Занимались традиционным видом деятельности - оленеводством, охотой. Ну а прародина эвенков - Байкал. Когда-то по всей территории современной Иркутской области были их стойбища. Ведь и Иркутск - это, на самом деле, эвенкийское название. Иркут в переводе означает "поселение среди лиственниц". И таких названий на современной карте множество. Эвенки ушли, а память о себе оставили в названиях.

-- Нина Глебовна, у каждого народа существует своя космогония - наука о происхождении мира.

-- По эвенкийской легенде, сначала везде была вода. Белая Гагара - священная птица эвенков -- стала нырять на дно и по щепотке в клюве носить землю на поверхность мирового океана. Так возникла суша. Среди индейцев Северной Америки, кстати, распространен точно такой же миф о сотворении земли.

Далее, по эвенкийской мифологии, существует три мира. Нижний мир - мир мертвых. Средний - мир людей. И верхний - мир духов. Богов нет. Духи делятся на добрых и злых, они находятся в вечном противостоянии, борьбе. Кроме того, у каждой семьи были свои духи-покровители. Олицетворяли их идолы, которые ставились на почетном месте, сокрытом от посторонних глаз. К ним семья обращалась перед охотой и в какие-то особо важные моменты жизни, при принятии судьбоносных решений.

-- Когда пришли русские, они первым делом стали крестить тунгусов, -- продолжает рассказ Нина Весалова, -- крестили всех поголовно. Давали новые фамилии, имена.

Эвенки крестились неохотно, никто не хотел расставаться с верой отцов. А православным миссионерам нужно

было отчитаться перед начальством, что в христианскую веру обращено столько-то северных людей. Так что они делали? Священники при крещении каждому неопиту давали бесплатно стакан водки (это мне моя бабушка рассказывала). Но оказалось, что все тунгусы для русских крестителей были на одно лицо. И люди это быстро поняли и шли креститься по второму и по третьему разу, то есть за бесплатным стаканом водки. Потом уже поп увидел, что народ становится все пьянее, и понял свою ошибку. Вот так нашим предкам навязывали чужую веру.

Хотя те же самые общечеловеческие заповеди и установки были и у моего народа. Человек - дитя природы, тайга - его дом. Это внушалось с детства. Ты только часть тайги. Потому береги, охраняй природу, животных и растения, помни, что ягель не восстанавливается десятилетиями. Раньше, когда эвенки жили в чумах, они надолго на одном месте чум не оставляли. Чуть трава пообтерлась - сразу переносили на новое место, чтобы намертво все не затоптать.

Если к тебе пришел гость, напои чаем, накорми и только потом спроси имя, кто он такой и зачем пришел. Самое интересное, что этим заповедям четко следовали. Главный в роду был шаман, отец рода. Его слушались неукоснительно. Теперь у эвенков не осталось ни одного шамана...

С хрупкостью северной природы связан и способ захоронения тунгусами своих покойников.

-- До принятия христианства эвенки хоронили на деревьях, -- рассказывает Нина Глебовна, -- строили вместительные деревянные ящики. В такой ящик складывали все необходимое для жизни покойника в мире мертвых. Лук, стрелы, ружье. Если умирала женщина, то вместе с ней в ящик клали швейные принадлежности. Обязательно клали посуду. В общем, все, что необходимо для нормальной полноценной жизни. Правда, с одним отличием -- все вещи необходимо было сломать, то есть умертвить. С одной стороны, они становились пригодны для использования в царстве мертвых, с другой -- ими не могли воспользоваться живые. Рядом на то же самое дерево вешали голову оленя, на котором усопший ездил при жизни. Животное тоже забивали, потому что никто из живых на нем ездить не мог.

Весь обряд захоронения проводился в полной тишине. Нельзя было громко плакать и причитать. Потому что крик и плач привлекали злых духов, которые могли еще кого-то забрать в мир мертвых. После обряда захоронения все присутствующие пятились с места погребения спиной вперед, чтобы дорогу злым духам не показывать. С места погребения стойбище откочевывало. Считалось, что злые духи еще года три обитают возле этого захоронения и могут накликают беду. Бывало даже так, что вообще не возвращались никогда на место захоронения. А если проходили мимо, то обязательно задабривали духов, привязывали цветные тряпочки на ветки "похоронного" дерева или водой брызгали. И до сих пор многие эвенки соблюдают при похоронах эти древние обычаи. Только брызгают теперь водкой.

Водка сыграла злую шутку с эвенками. До белого человека тунгусы крепких алкогольных напитков не знали. Русские научили их пить. Смертность по причине алкоголизма очень большая. По статистике вроде все нормально. Даже прибыль эвенкийского населения показывают статистические данные. А реально никакой прибыли нет. Количество эвенков выросло за счет того, что в них записываются и метисы. Бабушка или дедушка были эвенками, вот и я тоже эвенк. Люди, наверно, какую-то выгоду получить хотят, как малые народности Севера, поэтому и записываются в эвенки.

До революции 1917 года на земле Катанги было гораздо больше эвенков. А когда в 1930 году образовался Эвенкийский округ (на территории Красноярского края - Прим. авт.), основная масса ушла туда. Люди увидели, что там им будет лучше.

И сейчас, между прочим, наши катангские эвенки, грамотные, умные, которые могли бы здесь работать, уходят в округ. Сейчас в администрации Эвенкийского округа больше 80% -- выходцы из Катангского района. Хотя они многое могли бы сделать для своего народа здесь. И народ пошел бы к ним.

Ко мне из Эвенкии родственники приезжают и говорят (информация достоверная): ну свой депутат, ну пусть плохонький, пусть мы с ним помучаемся, но он научится, к нему народ пойдет, а ко мне, русскому (у меня там и русские есть родственники), никогда не пойдет. А если придет, то про свои нужды не расскажет. Он пойдет к своему эвенку. Мне предлагали избираться в депутаты, но я хочу заниматься только культурой, хочу быть далекой от политических дрызг. А с другой стороны -- жалею.

И людям теперь стало как-то все равно, молчат и пьют. Приучили их к такому образу жизни. И они уже ни во что не верят, никуда не ходят. Приходят только в наш центр и изливают душу. Я, конечно, их ругаю: вы свое национальное достоинство потеряли. Где вы видели, чтобы ваши предки валялись? Ходили пьяные и

попрошайничали?! Привожу примеры, этнографов цитирую. Русские этнографы так отзывались: эвенки - щеголеватый, нарядный народ. Услужливы без раболепства, умеют себя вести с незнакомыми людьми. Чисто и опрятно одетые, волосы и у женщин, и у мужчин аккуратно заплетены в косы. Косы украшены. Одежда вся расшита бисером. Один ученый пишет в своих воспоминаниях, что одежда эвенков по нарядности походила на одежду испанских грандов. Настолько она была изящна и нарядна.

Мне так хочется, чтобы осталась память о древних эвенкийских обычаях. Чтобы современные эвенки знали, кто они такие, кто их предки. Спасибо комитету по связям с общественностью и национальным отношениям администрации Иркутской области. Уже два раза при их помощи мы вывозили наш фольклорный коллектив на гастроли.

Экстрасенс для эвенков

-- Получается так, что на территории Катангского района эвенки продолжают вымирать и вырождаться... В чем вы видите выход из этой бедственной ситуации?

-- Самосознание полностью потерялось. Исчез культурный пласт, и не у кого спросить, как и что было. Растворились в других народах. Пока еще старики немного помнят и знают эвенкийский язык, а молодые говорят: зачем нам эвенкийский язык, куда мы с ним? Нужно английский учить.

Я для себя нашла выход. Старшее поколение уже потеряно, мне их в чем-то убеждать бесполезно. Они уже приучены пить и ничего не делать. Но мне хотелось бы, чтобы было больше единомышленников. Поэтому я сделала упор на детей. Сначала стала с ними язык изучать. Поначалу моим подопечным было неинтересно, ведь это дополнительная нагрузка к школьной программе. И тогда я пошла другим путем - организовала кружок по изучению национальной культуры. Стала сказки рассказывать, легенды, обычаи, вышивать бисером. И дети стараются. Девочкам нравится шить. Они знают, что родители им не помогут, не на что. В прошлом году я двум девочкам помогла, уже своими личными связями. Заплатили за их обучение, они оправдывают ожидания - хорошо учатся. У них есть будущее. Одна в Санкт-Петербурге (ей обучение оплачивает комитет по делам Севера областной администрации). Другая в Улан-Удэ в гуманитарном университете учится. Пишут теперь, как им хорошо. А так бы сидели в деревне и к водке приобщились бы.

-- Не боитесь, что останутся?

-- Боюсь! Я им сразу сказала: я готовлю себе помощь. Учитесь и возвращайтесь. Мне хочется, чтобы и наша нация участвовала в жизни и в управлении районом. В Катангском районе живет всего около 600 эвенков. В Ербогачене около 200.

Живут очень бедно. Вот недавно родственник приехал на обследование в больницу. В Ербогачене не был лет восемь уже: денег нет выехать. А теперь вот нужда заставила - ухо не слышит. Куда идти? Хотя бы кто-нибудь помог, всю жизнь охотился, пушнину сдавал. Я ему говорю: "Тебя вообще должны сразу положить, по закону раз в год эвенков должны в больницу госпитализировать". Кто этот закон соблюдает? Никто! Я пошла в клуб, мы там шкуры приобрели, камусы пошить на танцевальную группу. Дала ему шкуры, сказала: сиди, шей, что заработаешь, то твое, вот тебе будет на хлеб.

Я предлагала Крапивину (Андрей Крапивин - председатель одной из благополучных общин Ербогачена "Илэл" -- А.С.): я тебя буду везде прославлять, что ты такой хороший человек, вывези несколько эвенков, вылечи, закодируй их от алкоголизма. Конкретная будет помощь. Они хотят вылечиться, но не могут. Ходила и к мэру с предложением: запретите водкой торговать, хотя бы на время охоты! Он: не имею права.

Я знаю только одно: северные народы отличаются от русских физиологически. У северян нет фермента, который расщепляет алкоголь. Поэтому эвенк беззащитен перед водкой. Поэтому для эвенков алкоголь -- то же самое, что для русских наркотики. Торговать наркотиками запрещено, а водкой нет. Почему?

Как ни странно, но помощь, которую оказывают эвенкам для улучшения условий их труда и быта, зачастую не достигает своей цели, а оказывает противоположное действие. Вот история из жизни. В одну эвенкийскую деревню завезли лошадей. В рамках программы помощи малым народностям Севера. Для того, чтобы охотники могли на промысел на лошадях ездить, мясо заготовленное опять же из леса вывозить, а не на своих плечах тащить. Первым делом в деревне принялись "обмывать" подарок. Вскоре народ проголодался, мясо кончилось, припасы тоже. Надо бы на охоту отправляться, но зачем? Мясо гуляло прямо под окнами. Вышли, пульнули в лошадь, освежевали, съели. И пока всех коней не употребили в пищу, ни один житель не вышел на охоту. Так и по сей день продолжается во многих деревнях Катангского района: пока в долг дают продукты, охотники не выходят на промысел. А зачем, ведь и так кормят! Пусть не досыта, но с голоду помереть не дают.

Конечно же, не все эвенки живут в нищете. Есть примеры крепких, зажиточных семей, в которых не пьют горькую. Но общая тенденция не может не вызывать тревогу.

Без валидола не поедешь

Одна из целей экспедиции, участником которой я являюсь, - информационная поддержка и организация общин малых народов Севера. В нашем регионе существует более двадцати таких общин, большинство из них объединены в Ассоциацию коренных малочисленных народов Севера Иркутской области (АКМН ИО).

-- Общины - форма организации жизни коренных малочисленных народов и лиц, которые ведут традиционный образ жизни, -- рассказывает Виктор Кузнецов, исполнительный директор АКМН ИО, -- это охота, рыбалка и оленеводство. В общине люди объединяются по принципу доверия: если вы не верите людям, то и входить в нее не следует.

Создание общин - вопрос животрепещущий. Инфраструктура общества, существовавшая в советское время, сегодня утрачена безвозвратно. Так получилось, что за всеми реформами и преобразованиями в стране и северные народы и люди, когда-то приехавшие сюда, оказались зависшими в пустоте. Непроходимая тайга, финансовые трудности и отдаленность населенных пунктов российского Севера отделили и вырвали север Иркутской области из жизни региона. Сегодня здесь люди по большей части разобщены и каждый сам за себя, что противоестественно в столь суровых условиях. Как показывает многовековая практика, бороться за выживание сообща всегда сподручнее.

Насущная проблема для общин - получить в свое пользование охотугодья, то есть стать охотпользователями. В советское время на территории района действовали два крупных промысловых хозяйства - Катангский и Преображенский промхозы. В начале 90-х годов прошлого века они обанкротились и на их месте образовалось два охотпользователя - "Катангская пушнина" и ЗАО "Сибирь". Государство, чтобы не иметь дело с охотником-частником, произвело на свет закон, по которому пользоваться охотугодьями может только юридическое лицо. Оно же выдает лицензии, оно же и требует, чтобы охотники-промысловики сдавали пушнину именно ему, этому юридическому лицу.

-- Мы находимся под гнетом крупных охотпользователей, -- рассказывают промысловики. - Лицензии на соболей скупают они, а нам приходится покупать лицензии уже у них. Охотник как таковой не имеет права реализовать соболя свободно. Получается, что пушнина является собственностью охотпользователя. И если ты не будешь сдавать ему добытую пушнину, то не получишь лицензию. А цены на соболя не поднимаются уже четыре сезона.

Охотники Катанги отнеслись к идее создания общины настороженно.

-- Нам нужна только свободная реализация пушнины! - говорили они.

Но на самом деле проблема заключается не только в свободной реализации шкурок соболя. Сотни охотников Катангского района (при населении района в 4700 жителей) загнаны в жесткие условия не только необходимостью сдавать шкуры по низким ценам. Все они для государства как бы не существуют.

-- Сегодня районный бюджет не получает от добычи соболя ни копейки, -- рассказывает мэр Александр Гришин, -- у нас теперь такой закон. Например, охотник, имея свои родовые угодья, не может получить лицензию на право добычи соболя, потому что он не юридическое лицо. А охотпользователь, закрепив территорию за собой, диктует, сколько и по какой цене охотник сдаст соболей. Сам же охотник не имеет ничего. Пока он молодой, ему ничего и не надо. Добыл, к примеру, пятьдесят-сто соболей -- и счастлив безмерно. Сдал, получил деньги, и гуляй, малина. А когда дело к пенсии пошло, он начинает чесать затылок и штурмовать районную администрацию: дайте пенсию! А откуда ему будет пенсия, если у него даже записи в трудовой книжке нет? Мы сейчас все чаще сталкиваемся с этой проблемой.

Сегодня перспективы развития катангской земли районная администрация связывает с законом о так называемых территориях традиционного природопользования (ТТП). А создание общин - форма реализации этого закона.

-- Я настаиваю, чтобы у нас появилась территория традиционного природопользования, -- говорит Александр Гришин, -- я вижу от этого только пользу. Это позволит району и его населению получить реальные доходы и от охотничьего промысла, и от промышленной разработки полезных ископаемых, на которые Катанга богата.

Но пока вопрос повис. Мы даже подали в суд на правительство РФ по поводу его бездействия на наше

обращение, чтобы законодательно оформить территорию Катангского района как ТТП. Все документы на эту тему находятся в правительстве уже восемь месяцев. Ведь тогда меняется статус территории. Да, на ней можно и даже нужно производить добычу полезных ископаемых, но при этом и территории необходимо компенсировать потери, которые неизбежны в ходе промышленного освоения. Территория традиционного природопользования не исключает хозяйственную деятельность, она просто ужесточает требования по защите природы и интересов местного населения.

-- Как получилось, что почти все охотугодья района были отданы в руки двум крупным охотпользователям?

-- Прошлая районная администрация, не спросив никого, отдала в аренду угодья. И теперь охотники довольствуются скудными благами от этих охотпользователей, как индейцы бусами от белых людей. Им сказали, что соболя будет по 800 рублей, и все, особо не дернешься. А у нас были даже такие прецеденты, когда цена соболя определялась охотпользователями в триста рублей, причем оплачивали не деньгами, а мукой.

Мне, например, жаль этих охотников. У нас есть деревня, которую я называю спальней, - Верхнекалинино. Живут в ней почти одни пенсионеры и совсем немного молодежи. Кроме охоты, жить в ней нечем. Нет ни "Буранов", ни лошадей. Добычу несут на горбу порой даже за 20 километров. Охотник вкладывает все свое здоровье, душу и умение, на морозе этих соболей добывает, а ему в итоге полмешка муки дают. А он ведь не один в семье. Есть и братья и сестры, и маму с папой кормить надо.

-- Погоня охотпользователей за прибылями приводит к плачевным результатам для населения...

-- Да, это один вопрос. Второй -- необходимо, чтобы государство (раз уж оно пушной бизнес из-под своего контроля выпустило) осуществляло какой-то контроль за его деятельностью. Ведь когда наступает старость, охотники, которые работали без всяких документов на ту же "Катангскую пушнину" или на ЗАО "Север", приходят ко мне: "Мэр, дорогой, помоги!". Вот если бы вам в Накано съездить (мне если туда ехать, надо валидол с собой брать), там не то что вилок, там у людей кружек нет. Вымирают, спиваются деревни, скоро ничего не останется.

-- По-вашему, сколько еще такая ситуация будет продолжаться?

-- Я думаю, до 2006 года, пока не кончится лицензия на территорию у вышеназванных охотпользователей. И охотугодья не возьмут в аренду общины.

-- Александр Валентинович, какие еще болевые точки существуют в районе?

-- У нас их столько, что сосчитать - пальцев не хватит. Начну с бюджета, который по сей день не принят, поскольку нет источников его пополнения. Если бы государство наше мыслило стратегически, то такой ситуации не получилось бы.

Ведь что сделано по новому законодательству о местном самоуправлении? Муниципалитетам оставлен налог на рекламу. Конечно, в больших городах от этого можно получать приличные доходы. А мне зачем здесь этот налог, я кому что тут буду рекламировать? Медведю, что ли? Зато нам нужен налог на недра, потому что это наше главное богатство.

Мы бы сегодня не просили дотаций у губернатора. Мы бы только от полезных ископаемых имели бюджет порядка 390 млн. рублей, даже если бы всего 30% налога в соответствии с законом оставалось на территории. Бюджет района сегодня составляет 108 миллионов рублей. Дефицит - 170%. И это только при том, что мы не посчитали те затратные статьи, которые сегодня лежат на муниципальных властях. Это федеральные гарантии льготного проезда для лиц, проживающих в районах Крайнего Севера. Мы единственная территория в Иркутской области, которая является районом Крайнего Севера, все остальные приравнены. А получаем все расчеты как территория приравненная, областной комитет по статистике это мотивирует так: ну мы же не будем по одному району расчеты производить. Сравните: Качуг - территория, приравненная к районам Крайнего Севера, и Катанга. Туда продукты привезти -- и сюда. Вы по нашему зимнику проехали, сами знаете, что это такое. Мы его, кстати, и делаем сами.

301 километр - это зона ответственности области, нам за эти километры платит дорожный фонд. А 1200 километров (я же обязан каждому населенному пункту привезти топливо и продукты на год) мы делаем сами. До Накано, например, зимник пришел только два дня назад. Мы каждый год вместе с охотниками ломаем голову, как же нам этот зимник короче сделать. В этом году еще на сто километров удалось его сократить.

С 1995 года мы забыли, что такое льготный проезд, что такое льготы на коммунальные услуги. Хотя какие у нас коммунальные услуги - дрова привезти народу. Зайди в любую бюджетную организацию и спроси: а что бы вы хотели? Вам бы ответили: как хорошо было бы, если бы нам отдали наши коммунальные дрова и погасили долги по льготному проезду, который и возникает-то всего раз в два года. Немногие на Катанге похвалятся, что проводят отпуск в санатории или на курорте в теплых краях. Основная точка путешествий катангцев - Иркутск...

Кто платит больше?

Иркутск кажется каким-то нереальным, существующим где-то в параллельном измерении. Обратный путь представляется невообразимым и бесконечным. На этом обратном пути мы посещаем еще две деревни Катангского района, которые находятся в стороне от зимника.

Ерема - самая читающая деревня на катангской земле. Два месяца назад в деревне сгорел дизель. Телевизор стал недоступен. Все грамотное население (около 80 человек) деревни бросилось в небогатую на выбор (два стеллажа в небольшой комнатке сельского Дома культуры) библиотеку. Приезд нашей экспедиции - настоящее событие для Еремы.

Кроме сгоревшего двигателя, деревню на протяжении последних пяти лет одолевает обычное для этих мест стихийное бедствие - весеннее наводнение. Топит так, что полы даже в сравнительно новых домах прогнили, разошлись и сгорбатились. Меня, как корреспондента, нарахват водили на экскурсию по хлипким полам. Занятие, скажу я вам, не для слабонервных: полы под ногами шатаются, опасно прогибаются и вибрируют. Сами местные жители уже привыкли к тому, что периодически проваливаются в темноту подполий.

Доски, чтобы отремонтировать прогнившие половицы, взять негде. Пилорама не действует в Ереме с 1992 года, с тех пор как развалился промхоз. Например, кто-то умер, где взять доски на гроб? Правильно, разобрать заброшенный сарай или дощатый забор.

Зато мяса в Ереме вдоволь. Заготавливают его столько, что за зиму не съесть. Его еремцы даже готовы сдавать, да только кто в такую даль за мясом поедет? Последний раз аборигенам удалось сдать тонну мяса в прошлом году.

Еще Ерема поражает отсутствием какой бы то ни было техногенной деятельности. На белом снегу ни одного отпечатка (кроме следов нашего вездехода) от автомашины.

-- У нас даже трактора нет, -- вздыхают еремцы, -- чтобы дрова вывезти. На лошадках ездим. Еще двадцать лет назад в Ереме жило 200 человек, а теперь вот даже школу начальную и ту закрывают. Нет медпункта. Давление сами себе измеряем. Необходимые лекарства заказываем, привозят.

Зато в сельском Доме культуры есть старенький бильярд, оставшийся от "времени оно". Иногда мужики приходят покатать шары. Суровые сибирские мужики.

Деревня Ика славится тем, что с населением в 100 человек она одна заготавливает за сезон 800-1000 соболей. 1000 соболей - это лот на пушном аукционе. За лот можно взять хорошую цену. 1000 соболей могут стоить два (и более) миллиона рублей. Один здешний охотник добывает 50-120 соболей. На дороге в Ику у нас появляются попутчики, охотники-промысловики Сергей и Костя (эвенк).

-- Самый дешевый -- рыжий соболь, 4-й цвет, -- просвещает Сергей, -- самый дорогой, 1-й цвет, - черный, стоит 2500, но он очень редко попадается. Площадь моих угодий 30 тысяч гектаров (это примерно территория Иркутска. - Прим. авт.)

-- Кроме соболей, чем-нибудь еще промышляете? - спрашиваю Сергея.

-- В прошлом году две рыси случайно добыл. Одну шкуру продал коммерсанту за тысячу рублей, а другую сменял на бочку конденсата для "Бурана". Только этот конденсат хуже бензина - поршни от него прогорают быстро. Кабаргу один раз поймал и ради интереса струю у нее вырезал, посмотреть, что это такое, зачем она китайцам? Посмотрел, а потом в Усть-Кут сдал за 1800 рублей. А вообще у нас струю не принимают, потому больше не стал на кабаргу охотиться.

Все охотники Ики вынуждены сдавать соболей в ЗАО "Сибирь". Директора "Сибири" Верхотурова здесь так и именуют - директор. Это осталось еще с тех пор, когда господин Верхотуров возглавлял Преображенский промхоз. Недовольны икские охотники ценами, по которым директор принимает их соболей - 1200 рублей за

шкурку. Минус лицензия 200 рублей, за которую охотники платят в ЗАО "Сибирь". Получается на руки всего тысяча. Вот и не хотят охотники сдавать соболя директору. К тому же появился у ЗАО "Сибирь" и скупщик-конкурент, некто Олег из Усть-Кута. За качественную шкуру четвертого цвета платит полторы тысячи.

-- Недавно он (директор) здесь появился, -- рассказывают икские промысловики, -- привез госнадзор, что вроде бы мы здесь браконьерничаем. А скорее всего, чтобы власть показать, за то, что мы сдаем соболей не ему, а заезжим коммерсантам. А госнадзор сказал: зачем вы растревожили эту Ику? Жила Ика тихо-мирно, пусть и бы дальше жила. Наверное, так должно быть: купил у директора 10 лицензий и сдал ему десять соболей, а остальных -- тому, кому захотел, кто больше заплатит.

На собрании охотники решили организовать общину с тем, чтобы, когда в следующем году у ЗАО "Север" кончится срок аренды на охотугодья, оформить аренду на нее, то есть на себя. Тогда жаловаться будет не на кого.

* * *

Зимник за неделю наших путешествий по земле катангской обмяк и поплыл. Большегрузные фуры на ровном месте буксовали и перегораживали трассу, создавая многокилометровые пробки. Мутные ручьи торопливо размывали колею на обращенных к солнцу склонах. Поэтому уже на севере Усть-Кутского района, у поворота, мы, почесав затылки, решили в Токму, самую южную деревню Катанги, не заезжать. И взяли направление на Иркутск. До него оставалось всего двое суток хода с четырехчасовыми перерывами на сон. А весь путь со всеми отворотами от главного зимника вышел в кругленькую цифру - 3500 километров.

Андрей Савченко,
Иркутск - Ербогачен

Автор: Артур Скальский © Восточно-Сибирская правда ПРИБАЙКАЛЬЕ , ИРКУТСК 👁 5206 16.04.2005, 13:13
👍 178

URL: <https://babr24.com/?ADE=21136> Bytes: 36974 / 36913 Версия для печати

👍 Порекомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [Джем](#)
- [ВКонтакте](#)
- [Одноклассники](#)

Связаться с редакцией Бабра в Иркутской области:

irkbabr24@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: [@bur24_link_bot](#)
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)